

18+

Алина Макеева

# Может, кофе?



Алина Макеева

**Может, кофе?**

«Издательские решения»

**Макеева А.**

Может, кофе? / А. Макеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962482-6

Марина не видела свою университетскую подругу восемь лет и теперь, наконец, готова встретиться и рассказать все. Как она попала в испанский особняк? Что помогло пережить тяжелый развод? Героиня расскажет и о главном: о своей истории влюбленности в рок-звезду и о том, какие преграды пришлось преодолевать на пути к мечте о необычной жизни.

ISBN 978-5-44-962482-6

© Макеева А.  
© Издательские решения

# Может, кофе?

**Алина Макеева**

© Алина Макеева, 2025

ISBN 978-5-4496-2482-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## **Синописис**

**Название:** Может, кофе?

**Жанр:** сентиментальная проза

### **Персонажи:**

Марина и Вика – университетские подруги, которые не виделись 8 лет.

Дима – бывший муж Марины.

Илмари Саволайнен – вокалист финской рок-группы WHY.

Паша – музыкант.

Катя – девушка барабанщика группы Паши. Наркоманка.

Марика – подруга Марины, менеджер по работе с vip-гостями на пароме.

Серёжа – друг Марины, четвертый помощник капитана на пароме.

### **Сюжет:**

Наше время. Испания. Марина, в роскошном особняке, принадлежащем её мужу, встречает свою подругу Вику, которую не видела восемь лет. Обеим есть, что рассказать друг другу.

Марина начинает свою историю. Сперва она рассказывает о разводе с мужем Димой, после пяти лет брака. С невыносимой душевной болью ей помогают справиться песни финской группы WHY. Постепенно Марина серьёзно увлекается этой группой и её вокалистом по имени Илмари Саволайнен. Последний даже снится Марине и во сне предлагает вместе выпить кофе.

В конце концов, Марина едет в Финляндию на концерт любимой группы. В поезде она знакомится с юношей по имени Паша, тоже поклонником WHY, музыкантом. У Марины и Паши начинается роман. Паша мечтает стать таким же популярным как Илмари, он сочиняет песни, а работать не хочет, поэтому зарабатывать деньги и заниматься бытом приходится Марине.

Марина и Паша собирают музыкальную группу. Паша обращается с Мариной всё хуже, открыто изменяет ей, но Марина всё терпит. Она не может бросить музыку и коллектив, это для нее слишком важно.

Наконец, группа должна отправиться на студию, чтобы записывать альбом, но запись срывается, так как весь коллектив напивается. Марина отправляется на студию, чтобы уговорить хозяина перенести запись. Тот ставит условие, что Марина должна переспать с ним. Та переступает через себя и соглашается ради будущего группы, но Паша воспринимает эту жертву как нечто само собой разумеющееся.

На время записи альбома группа переезжает к Паше, а Марина вынуждена перебраться к Кате, девушке барабанщика группы. Марине продолжает сниться Илмари.

Катя довольно подробно рассказывает Марине историю своей жизни, в которой были и потери близких, и неудачные отношения.

В этом месте слово берёт Вика – она рассказывает об отношениях с итальянцем по имени Алессандро, которые похожи на сказку и развиваются крайне удачно. Марина рада за подругу и за то, что не все истории любви тяжелые и печальные, и продолжает свой рассказ.

Группа Паши записывает альбом. Не хватает одной песни до десяти. Марина берет на себя создание последней песни, которую с удовольствием принимают в альбом. У девушки больше нет сил и желания жертвовать собой ради музыки и она уходит от Паши. Марина приходит к Кате за вещами, только чтобы обнаружить, что та умерла от передозировки наркотиков. Позже Марина узнаёт, что её песня стала хитом в исполнении Пашиной группы, но никаких прав на свое произведение не заявляет.

У Марины от всего пережитого начинаются панические атаки. Она начинает лечиться разными способами, в том числе прибегает к помощи психотерапевта и медикаментов. Отвлечься помогает работа в офисе перспективной компании, а также новый прилив любви к группе WHY. Марина даже ездит на прослушивание на роль бэк-вокалистки в эту группу, но не проходит по конкурсу. От своей мечты Марина не может отказаться и устраивается официанткой на паром, где группа WHY будет регулярно выступать в рамках контракта. Марина знакомится с другой сотрудницей, девушкой по имени Марика. Та рассказывает, что однажды сделала аборт. Марина признаётся Вике, что и сама сделала аборт, забеременев от владельца студии звукозаписи, это тогда сильно ее выбило из колеи.

На пароме волей случая Марина присутствует при обсуждении возможного сценария клипа группы WHY и предлагает свой вариант, который одобряет сам Илмари. Вскоре Марина узнаёт, что Паши больше нет в живых. Также она начинает дружить с Серёжей, офицером с мостика, и узнаёт, что он знаком с прежним возлюбленным Кати. Марина просит передать ему, что Катя умерла.

Илмари предлагает Марине написать сценарий для ещё одного клипа. При условии, что сценарий будет хорошим, девушка получит работу с коллективом WHY. Илмари и Марина сближаются, откровенничают, но до романтики дело не доходит. Алёна, другая официантка парома, невлюбившая Марину, ворует у неё сценарий и выдаёт за свой. Марина раздавлена, очередной раз не понимает, как жить дальше и почему ей никак не удастся исполнить свои мечты, даже допускает мысли о суициде. Однако мы уже знаем, что она этого не сделает, так как жива и здорова, и обитает в дорогом особняке с прекрасным мужем. В финале Вика с изумлением узнаёт, что муж Марины – Илмари Саволайнен.

\*\*\*

Марина стояла на террасе, скрестив руки. Внутри живота все сильнее нарастало ощущение, будто там, как в аквариуме, плавала маленькая рыбка. Девушка смотрела вниз, на совершенно пустую дорогу. Вот-вот должно было подъехать такси.

Чуть дальше от дороги сонное солнце вставало над океаном. Золотисто-оранжевый восход был великолепен. Здесь по-другому быть и не могло. Вода и небо – то, что дает вдохновение для жизни на Земле. Так считала девушка, стоявшая на террасе.

Они с Викой не виделись аж с выпускного вечера в университете. Конечно, Марина понимала, что рассказ о том, что за эти восемь лет произошло в ее жизни, вряд ли будет коротким. И, скорее всего, их дружеские посиделки закончатся ближе к ночи. Она постелет подушке в одной из комнат для гостей, а сама будет дожидаться возвращения мужа. Без него она спать не ляжет. Этой ночью он прилетает из Лондона. Он знает о том, что Марина пригласила подругу погостить у них недельку. Он совершенно не против и очень ждет знакомства.

Наконец заметив белый Peugeot, подъезжающий к воротам, Марина заулыбалась и побежала вниз.

Открылась передняя дверца автомобиля, на асфальт ступили стройные ножки в розовых туфельках на каблучках. Вика вышла из машины и с визгом бросилась на шею подруге.

– Маринка!!!

– Наконец-то, ты приехала!

– Господи, ты так изменилась! Ты так похорошела! Ты такая красивая! Взрослая и счастливая!

– А сама-то!

Девушки держались за руки и прыгали как дети.

– Adios, señoras! – таксист достал чемодан из багажника, поставил его рядом с воротами и сел обратно в машину, улыбаясь.

– Gracias! – крикнула Марина вдогонку, но, кажется, ее уже не слышали.

– Ты говоришь по-испански? – Вика вскинула брови.

– Ой, конечно! Основной набор слов и ты скоро выучишь. Удивляюсь, что ты не подхватила его еще в аэропорту, – отмахнулась Марина, схватила ручку чемодана и покатила его к дому. Вика пошла рядом.

– Классный у тебя, кстати, сарафан. Надо бы и мне такой прикупить. Длинный, цветастый... Удобный, наверное... А то я все на свете прокляла, пока переодевалась в аэропорту в это платье. Короткое, неудобное, еще и помялось...

– Еще и белое, – заметила Марина.

– Я хотела выглядеть для тебя шикарно. Первая встреча спустя столько лет. Да еще и с супругом твоим знакомиться, а то скажет, что ты чучело в джинсах в гости притащила... Ой! Ого! Какой у тебя дом! Какой огромный сад... А у вас садовник всем эти чудом занимается? Или это ты сама?

– Муж увлекается в свободное время. А свободного времени у него мало... Из меня цветочница никакая, знаешь ли. Поэтому, да, периодически навещается садовник.

– Мачо по имени Хулио? – Вика подмигнула подруге и картинно прикусила нижнюю губу. Марина расхохоталась.

– Вообще-то, его зовут Альфредо.

– Тоже неплохо.

Девушки вошли в дом.

– О! Это же дворец! Какая гостиная!

Марина улыбалась.

– Дорогая моя, успокойся, пожалуйста, это вполне скромное испанское жилище.

– Ничего себе, «скромное»! – Вика взбежала на второй этаж так стремительно, как будто была в тапочках, а не в туфлях на пятнадцатисантиметровой шпильке.

Когда гостя набегалась по всему дому и прекратила громко восхищаться всем, что попало ей на пути, подруги заняли место в кухне за большим столом.

– Вопреки европейским традициям, мы едим на кухне, а не в столовой. Так что не удивляйся.

– Это шелк? – Вика водила пальцем по серой скатерти.

– Ты, наверное, голодна с дороги? – Марина решила, что отвечать на вопрос не обязательно и потянулась к холодильнику.

– Нет, нет, и еще раз нет! – Вика отчаянно замотала головой, – Только чаю. Зеленого.

– Без проблем.

– Хотя... А где твои слуги? Повариха Хуанита, например?

– Прекрати меня смешить, пожалуйста! Какие еще слуги? Пыль протереть, полы помыть и еду приготовить я и сама могу.

– Но дом ведь огромный!

– Ну и что, – Марина пожала плечами, – Это, в первую очередь, дом. Мой дом. Наш дом. Камин, который ты видела, это не просто камин, чтобы перед гостями выеживаться, это семейный очаг. И я его храню.

– Как романтично. Прямо-таки не по-испански романтично, а по-нашему, по-русски. Особенно слово «выеживаться» мне понравилось.

Марина закатила глаза.

– Как же я скучала по тебе.

Вика ничего не ответила и в очередной раз обвела восхищенным взглядом кухню. Помещение большое и светлое, стильная современная техника, приятные бело-серебристые тона. Идеальная чистота. Серые шелковые занавески с непонятным узором подергивались от слабого ветерка из приоткрытого окна. Уютно. Легко.

– Маринка, как тут все здорово! Так, ладно, хватит, шуточки и сарказм в сторону. Спасибо тебе огромное, что пригласила меня! И вообще, я так сильно рада, не представляешь! Так классно, что ты меня нашла!

– И не говори. Социальные сети творят чудеса.

– Да, это точно. Согласна с тобой абсолютно. Знаешь, я сидела на работе, уже порядком... ммм... мягко выражаясь, утомившаяся... Надоело все, сил не было уже никаких сосредоточиться ни на чем. Буквально на минутку решила отвлечься и в Интернет зайти... Почитать что-нибудь или посмотреть... И тут вижу, что ты мне пишешь. Я так обрадовалась! Seriously, ты не представляешь, как сильно! А когда ты сообщила мне, что последние полгода живешь на Тенерифе, и к тому же всегда готова принять гостей, я прямо в ту же секунду, как дочитала твое сообщение, пошла на сайт авиакомпании бронировать билет. Очередной отпуск я вполне заслужила. Мы же так давно с тобой не виделись! Я была в шоке, когда узнала, что вы с Димкой развелись. Вы были такой прекрасной парой, так друг другу подходили. По крайней мере, всем в институте так казалось.

– Да, мы развелись через год после выпускного, примерно как-то так... Честно говоря, я думаю, выйти замуж в восемнадцать лет, на втором курсе университета, было не особо умным решением.

– Но вы ведь так долго были вместе... Еще со школы... Чуть ли не с первого класса вроде бы... Тебе не очень тяжело было? – Вика откинулась на спинку стула и сбросила туфли на пол. Ее лицо выражало искреннюю заинтересованность. Марина так любила подругу за это, за искренность. За искренний восторг, за искреннее любопытство, за искренний страх или искреннюю злость, за искренность любых эмоций. И за натуральный цвет волос.

Марина опустила глаза в пол.

– Да как бы так тебе сказать... Конечно, тяжело... Я помню день, когда ко мне пришло осознание, что пяти годам семейной жизни конец...

Марина сделала паузу, вздохнула, прикрыла глаза. Вика знала и предвкушала. Сейчас ее ждет рассказ «в стиле Марины», той ее однокурсницы, которая умудрилась на первом курсе превратить в драму доклад об итальянском математике Луке Пачоли. Над Мариной манерой рассказывать обо всем с придыханием и полузакрытыми глазами, над ее меланхоличностью и склонностью драматизировать посмеивались, но истории ее всегда слушали с интересом.

Чай заваривался.

– Ты знаешь, я хорошо помню тот день, когда я поняла, что все кончено. Тот день, когда я начала принимать эту мысль и свыкаться с ней, когда я перестала гнать ее от себя. После очередного нашего скандала, которых в последний год брака было не сосчитать уже сколько, Дима хлопнул дверью и отправился в бар. А я лежала на диване, смотрела в знакомый и наскучивший потолок, слушала музыку в плеере и думала. Думала: как?

Как? Как все вышло из-под моего контроля настолько, что у меня уже даже не осталось слез, чтобы плакать из-за ссоры с мужем?

Я вспоминала первый год нашей совместной жизни. Какие это были сильные эмоции! Любая более-менее серьезная ссора для меня была концом света тогда! Все вокруг рушилось, в глазах темнело, все чувства (голод, жажда) притуплялись, руки леденели, воздуха не хватало, сконцентрироваться на чем-то казалось просто невозможным. Когда мы с Димой ругались, я пропускала учебу и работу, ссылаясь на плохое самочувствие. Я знала, что надо срочно

отложить все дела, перевести дыхание, собрать в кучу мысли и срочно-срочно бежать. Бежать к нему. Где он, в каком баре сидит? Я знала, что это обязательно место где-то недалеко от дома. Я знала, что сейчас я приду и все ему объясню. Я бежала по морозу с переполнявшим меня чувством восторга от осознания, насколько сильно я люблю его, насколько сильно я боюсь его потерять. Этот восторг, казалось, вот-вот выпрыгнет из тела и понесется впереди меня. Я прибегала полная уверенности в том, что твердо знаю, какие слова нужно сказать, чтобы наша очередная глупая ссора сошла на нет. Моя уверенность в себе зашкаливала и всегда передавалась ему во время разговора, и примирение было настолько сладким... Я чувствовала такую любовь к нему, такое искреннее раскаяние из-за всех плохих слов, которые я посмела сказать в его адрес. Я так ненавидела себя за то, что не смогла быть сдержанной. Я так яростно оправдывала его перед ним же самим. Пыталась доказать нам обоим, что есть логическое объяснение тому, почему он повел себя так неуважительно по отношению ко мне в какой-то момент. Я защищала его и говорила, что у него были все основания, чтобы поступить именно так, как он поступил, чтобы сказать именно то, что он сказал. Я чувствовала себя спасительницей, супер-женщиной. У меня были ответы на все вопросы. Я четко знала, что не только единственный путь к счастью, но и единственный путь вообще в принципе в моей жизни – это примирение с ним. Я точно знала, что без него я умру. Я знала, что пока мы в ссоре, и есть даже призрачная угроза разрыва, все мое тело будет изнывать от физического недомогания. Желудок будет скручивать, рвотные рефлексы не дадут покоя при попытке что-нибудь в себя запихнуть, голова будет кружиться и болеть от голода и нервного перенапряжения.

Однажды Дима на все мои доводы сказал, что все равно не видит будущего со мной. Я почувствовала в ту минуту, что ноги подкосились, а воздуха стало не хватать. Я задыхалась. Я в прямом смысле слова задыхалась. Я дышала часто и громко, а кислорода становилось все меньше и меньше. Голова все сильнее и сильнее кружилась. Мне показалось, что я начала терять сознание, все поплыло перед глазами. И только подхватившие меня сильные Димины руки привели в чувство. Его голос, низкий и беспокойный, прорезался сквозь звон в ушах. Он сказал, что любит меня, и в этот момент, я смогла дышать нормально.

Я тогда понимала, что физически не смогу без него выжить. Я поняла смысл выражения «умирать от любви». Я знала, что у меня одна только дорога в жизни – быть с ним. До конца. Навсегда. Какие это были эмоции!..

Но... В тот день я просто лежала и смотрела в потолок. Эмоций не было. Никаких. Чувство реальности произошедшего было слегка притуплено. Хотелось есть. Я ведь не ужинала. И спать. Я ведь рано встала. И завтра понедельник, на работу. Я думала, что надо еще вымыть голову, а так лень это делать. И не забыть положить в сумку ежедневник... Я серьезно! В тот день я отложила все дела на утро, поставила будильник и легла спать. Я не знаю, во сколько вернулся Дима, но к тому моменту я уже точно спала.

А потом... Потом я собрала вещи и переехала к родителям. Они волновались за меня первое время, но позже поняли, что я в адекватном состоянии, и не стали отменять запланированный отпуск. А я осталась одна ненадолго. И вот, в тот день, когда мы подали заявление на развод, у меня случился приступ эмоций. Я помню... Я помню, как слезы подступали к горлу. Они душили. Боль сводила мышцы. В душе образовывалась рана. Рана растягивалась, становилась все больше, болезненнее, эта дыра в душе становилась все более черной и пустой. Слезы выступили на глазах. Я сдерживала их и не давала им хлынуть потоком, поэтому мышцы горла напрягались все больше, мне было все больнее.

Я готова была к такому повороту. Я ждала этого и знала, что это произойдет. Поэтому шока не было. Но слезы все равно давили куда-то на грудную клетку.

Казалось бы, это такая формальность. Мы не жили вместе уже три месяца. Это было вполне логичным, что развод состоится когда-нибудь. Что придется встретиться лицом к лицу с мужем. В помещении за одним столом написать заявление. Написать заявление... Офици-

ально попросить государство, чтобы этот человек через месяц стал для меня никем. Этот человек, каждый день на протяжении пяти лет находившийся рядом... Поддерживавший когда-то раньше в трудные моменты... Тот, кого я поддерживала, кого так любила... Кто так любил меня... Кто смотрел когда-то на меня с такой нежностью... А как он смотрел на меня в день свадьбы... Вика, у меня все мысли путались в голове, было так тяжело. Я вспоминала и думала о том, что у нас была свадьба... И в тот день я была самой счастливой девушкой на всем белом свете... Какое у меня было платье... Ты ведь помнишь, какое шикарное у меня было платье? Ты ведь там была. А прическа, маникюр, макияж, туфли, букет... Свидетели, подружки, друзья, родные, – все такие красивые, такие улыбающиеся... Ты там была... Ты помнишь... Жених... такой счастливый, уверенный. Уверенный в себе, своих чувствах, своей невесте, своей любви, моей любви, нашей любви... Я улыбалась весь день и не могла это прекратить, даже если бы и захотела. Скулы сводило от улыбки уже к обеду. Мы еще не приехали в ресторан, а мне уже было больно улыбаться для фото... Чувство бесконечного и теплого счастья разливалось по всему телу... Было так тепло и спокойно... Так прекрасно... Взгляд любимого как будто заставлял расправляться сложенные крылья за спиной. Один взмах, и все проблемы разбиваются вдребезги и разлетаются на мельчайшие осколки. Так, именно так я раньше думала!

Но. Стоп. Щелчок. Возвращение в реальность. Я поняла, что этого нет больше. Этому пришел конец. Этого больше не будет никогда. Ни-ког-да. Он не погладит меня больше по волосам никогда, не обнимет и не поцелует никогда, не посмотрит преданно мне в глаза и не прошепчет на ухо слова любви и нежности. Никогда. От таких банальных фраз, вертевшихся в голове, меня начало подташнивать. Я ненавидела банальщину, но как по-другому, если каждое слово было правдой и реальностью? Моей реальностью. Как по-другому, если вся эта любовная и романтическая лабуда оказалась моей жизнью? Как по-другому, если все эти нежные и слащавые словечки – это именно то, что спасало меня и заставляло радоваться и ощущать себя живой и счастливой. Я стояла посреди комнаты, заламывая пальцы. Мне просто невыносимо хотелось плакать, но я не могла себе позволить этого. Плакать в одиночестве, в тишине... Это казалось мне таким жалким... Я не хотела быть жалкой, уж это точно.

Я включила компьютер, нашла папку с музыкой, включила какую-то песню, легла на диван. Смотрела в потолок, слезы подступали к горлу.

Музыка была очень медленной, скучной, женский вокал что-то тихонечко завывал плаксиво. Расплакаться под это казалось слишком унижительным.

Я встала, сменила песню. Легла. Мужской громкий хриплый голос и бешеная мелодия где-то на заднем плане. По пути на работу я любила послушать что-нибудь подобное в плеере. Но явно не это мне было нужно в тот момент.

Я пролистала всю музыку, что была на моем компьютере. Идей не оставалось, и я бросила в плейлист папку, которую ты скидывала мне на первом курсе. И которую я так ни разу и не открыла до того момента.

– А, я помню, – Вика, слушавшая очень внимательно, практически не дыша и не шевелясь, оживилась, – На первом курсе я увлекалась совершенно не попсовой финской группой «WHY», в первую очередь из-за их вокалиста. Он был, в моем понимании, просто офигителен, а его голос сводил с ума... Позже вокалист мне разонравился как мужчина, но что касается самих песен, текстов и музыки... Можно действительно считать их песни моей единственной настоящей любовью на всю жизнь... Так что было дальше?

– Для меня тот день и тот час стали поворотным моментом и точкой отсчета.

Я всегда считала себя сильной. С чего я вдруг когда-то так решила? Что вообще означает быть сильной? Не плакать, когда тебе плохо? В тот момент мое состояние казалось мне слабостью. Мне так хотелось выплеснуть уже куда-то эмоции, закричать или зарыдать. Но что-то сдерживало. Сдерживали какие-то рамки, которые я сама себе поставила, в которые я сама

себя втиснула. Я была настолько слаба, что стыдилась показать даже самой себе, что вся сложившаяся ситуация причиняет мне боль.

Мы не жили вместе уже почти три месяца. А осознание того, что брак в итоге будет разрушен и расторгнут, и никак спасти его не удастся, начало зарождаться еще за полгода до этого. То есть на тот момент уже практически год я жила с мыслью, что мне с этим мужчиной точно не по пути. Я думала, что смирилась с этой мыслью, сжилась с ней и привыкла к ней. Но когда муж написал мне смс, когда сообщил, в какое время ждет меня у ЗАГСа для подачи заявления на развод, боль начала разливаться по всему телу. Он даже не захотел мне позвонить! Он написал мне несколько цифр и пару слов! Все! Осознание того, что семьи у нас не вышло, что теперь я одна, что всем планам на будущее не суждено сбыться, теперь возникло передо мной практически в виде чего-то осязаемого. Теперь это происходило в реальности, а не только в моей голове.

Я знаю, что в ту ночь, когда Дима вернулся и застал меня спящей, он окончательно решил все для себя. Он тоже понимал, что наши отношения настолько изменились за последний год, что разглядеть в них прежнюю любовь сложно. И что прожили мы этот год, цепляясь не за то, что происходит на самом деле, а лишь за воспоминания. Воспоминания о том, как раньше было хорошо, как сильно мы любили, как больше хотели отдавать друг другу, чем брать. Теперь все стало иначе. Ему не хватало от меня многого. Нежности, любви, ласки, доброты. А я не могла больше давать ему это в том объеме, что раньше. Я была измотана скандалами. Дима понимал, что и сам во многом виноват. Понимал, что своим вздорным характером, своим нездоровым перфекционизмом, своими попытками сломать меня и переделать под себя, своей беспочвенной ревностью, понимал, что всем этим он просто иссушил меня. У меня не осталось больше сил на эмоции в его адрес. Бесконечно повторяющиеся ссоры по одним и тем же поводам, бесконечно повторяющиеся обещания больше не расстраивать друг друга одними и теми же вещами, это все не давало надежды на изменения к лучшему. Я устала повторять одно и то же, я устала слушать одно и то же. Я потеряла к жизни интерес, потому что вся жизнь превратилась в день сурка. Исчезло ощущение того, что я живу, а не просто существую. И это казалось парадоксальным, потому что, казалось бы, рядом был любимый и любящий человек. Я не сомневалась в том, что мы друг друга все еще любили. Вот только любовь наша преобразовалась в какую-то чудовищную смесь раздражения, садизма, мазохизма, страдания, взаимозависимости. Но с каждым днем росло и безразличие. С одной стороны, это пугало, потому что означало, что любовь начинает умирать. С другой стороны, это чувство радовало, потому что оно похоже на спокойствие. Мне ужасно надоело нервничать. Диме тоже. Скандалы нас выпотрошили и высушили.

Нам обоим так хотелось жить и радоваться тому, что у нас есть: семья, будущее... Но никак не получалось. То, что должно было радовать, удручало, потому что перестало вписываться в понятие счастья. Дима считал, что семья должна быть не такая, жена должна быть не такая, любовь должна быть не такая. Идти домой после работы ему не хотелось. В общем-то, как и мне. Я тоже представляла себе иначе понятия и семьи, и мужа, и любви. Дима требовал больше ласки. Именно требовал! Я хотела больше понимания с его стороны. И не получала. Мы не могли договориться. Мы перестали слушать друг друга. Любая мелочь становилась поводом к тому, чтобы переругаться, обвинить друг друга в плохом отношении, в неуважении, в несоблюдении интересов друг друга. Договариваться мы разучились окончательно. Может, раньше и умели, но это было когда-то давным-давно, как будто в прошлой жизни или в другом мире. Компромисса мы больше не могли найти, а если честно, то даже и не пытались. Каждый знал, что то замечание, которое он собирается сделать своей половине приведет к одному исходу – к ссоре с обвинениями друг друга, с припоминанием старых ошибок, вчерашних, недельной давности, месячной, годичной... Поэтому тот, кто хотел сделать замечание другому, либо изначально вел себя агрессивно, занимая позицию нападающего, либо пытался промол-

чать, спрятать обиду глубоко в себя. Но сдержанная речь, холодный взгляд, обреченный вид сразу выдавали, и доброе намерение не начинать скандал, было однозначно обречено потерпеть неудачу.

«Я вижу, что тебе опять что-то не нравится!» – выпаливал противник, и эти слова становились сигналом к началу скандала.

Я уверилась, что Диму все во мне раздражает, пыталась говорить как можно меньше и реже, чтобы не сказать ничего лишнего. Мало ли, какое слово вдруг могло показаться ему обидным. Я ведь перестала его понимать. Я ведь перестала предугадывать, что он от меня ждет. Но его начало раздражать и это. Причиной ссоры могло стать как неосторожное и необдуманное слово, так и молчание. Если случались проблемы на работе, мы больше друг для друга были не поддержкой и опорой, а объектом, на котором срывают злость. Мы просили прощения и мирились не искренне, затаив обиду, чтобы воспользоваться случаем и высказать ее в следующий раз.

Я тогда прокручивала все это в голове, и становилось настолько противно. Я отчетливо понимала, что такие отношения – это уже не отношения, и спасать здесь нечего, от этого надо бежать, бежать далеко и не оглядываться назад ни в коем случае, но все равно... Было настолько невыносимо больно... Но одной этой боли было недостаточно тогда, чтобы я заплакала.

Я помню, как стояла посреди комнаты, не могла выдавить из себя ни слезинки, и при этом разрывалась внутри на части... И тут послышалась мелодия. Красивая. Проигрыш на фортепиано. Я замерла. Гитары. Темп нарастал. И голос... Потрясающий чистый ласковый мужской голос. Я медленно опустилась на пол, на колени. Я сидела неподвижно секунд десять. Пока не упала моя первая слезинка. После этого я запрокинула голову назад и набрала полную грудь воздуха. Слезы по щекам катились легко как дождь. Я сотрясалась на полу в рыданиях. Я кричала и надрывалась, захлебываясь слезами. И мне не страшно было, что соседи услышат мою истерику, потому что музыка играла еще громче. Барабаны, гитары и клавишные вместе выдавали прекрасную тяжелую музыку. А бархатный мужской голос гладил меня по волосам и по плечам, целовал мое лицо, постепенно высушивая слезы, укутывал и согревал. Он успокаивал меня. И я поддавалась. Рыдания сошли на нет. Я обессиленная лежала на полу. Я куталась в этот голос и поддавалась сну. Я не спала последние сорок часов, не имея возможности ни закричать, ни заплакать, ни уснуть. В тот момент все это стало для меня возможным. Я засыпала спокойно, с осознанием того, что постепенно обретаю надежду. «Любовь без слез – это сказка... Тебе больно сейчас... И, значит, это было по-настоящему... И, значит, ты настоящая... Ты будешь счастлива снова...» Я наизусть помню эту песню. Конечно, это мой вольный перевод. Текст в песне английский. Ты знаешь, что «WHY» никогда не пели ни на их родном финском, ни на нашем русском...

Марина улыбнулась.

– Наверное, чай уже заварился.

Девушка поставила на стол вазу с конфетами и печеньем.

– Может быть, ты хочешь что-нибудь посерьезнее перекусить? И вообще ты, наверное, с дороги устала, хочешь принять душ? Или поспать?

Вика стучала длинными розовыми ногтями по столу.

– Ты, по всей видимости, шутишь. Я прилетела к тебе на остров не обедать и не в ванне лежать. Я, конечно, не пытаюсь сказать этим, что сомневаюсь в твоей стряпне или что меня не интересует ваша огромная мраморная ванная комната... Еще как интересует... Но! Это можно оставить и на потом. В конце концов, я у тебя на целую неделю. Ты так интересно рассказываешь, что я тебя слушаю, и как будто кино смотрю, так отчетливо картинки в голове рисуются. Сядь, пожалуйста, оставь попытки меня накормить (я успела объесться в самолете) и продолжай.

Марина снова улыбнулась и послушалась. Она сделала глоток из кружки и, сев по-турецки, поудобнее устроилась на стуле.

– Накануне дня «X» я решила себя добить. Это была пятница. Я еле ползла домой после трех двенадцатичасовых рабочих дней подряд. Оставался час до прекращения продажи алкоголя в магазинах. Не заходя домой, я направилась в супермаркет, взяла с полки бутылку красного вина, коробку шоколадных конфет и пачку сигарет на кассе, с улыбкой предъявив кассиру паспорт и выслушав комплимент на тему «А вам не дашь восемнадцать даже».

Дома я по-быстрому перекусила парой бутербродов с чаем, чтобы чувство голода не отвлекало меня и не мешало «насладиться» вечером. Только потом я переоделась в домашний спортивный костюм. Включила ноутбук, поставила его на кофейный столик, туда же поставила открытую бутылку вина, бокал и коробку конфет, забралась с ногами на диван и всунула в компьютер диск.

Компьютер начал издавать звуки, означавшие, что он пытается понять, что это ему такое дали и что с этим делать. Я налила себе бокал вина, кликнула курсором на экране «воспроизвести» и в предвкушении откинулась на спинку дивана.

С первых секунд видеозаписи комната наполнилась звонким смехом, доносящимся из динамика. Вот мое прекрасное белое платье, его строгий красивый серый костюм, который мы шили на заказ, наши улыбки и смех... Так, сейчас нужно подготовиться и сделать серьезные лица, ведь когда перед нами откроют эту огромную дверь, мы должны будем сделать несколько очень важных шагов навстречу своему совместному счастливому, светлому будущему. Вот мы уверенно делаем эти шаги... «Является ли Ваше желание взаимным и добровольным? Прошу ответить Вас, Марина Витальевна...» Я не ожидала, что мне первой зададут вопрос, и практически растерялась. Но ответ был громкий и четкий. «Прошу ответить Вас, Дмитрий...» Жених даже не дал сотруднице ЗАГСа закончить вопрос, прервав ее своим утвердительным ответом. Гости захихикали... «Какая любовь», – послышался шепот со всех сторон.

Я налила второй бокал. Слезы уже текли по щекам.

Поздравления... Суета... Цветы... Море цветов... Я еле успевала передавать их свидетелям... Улыбки, счастливые лица молодоженов и их родственников... Женская часть гостей утирала слезы умиления...

К этому моменту я уже наполнила третий бокал, и свободной рукой размазывала тушь по лицу. Я выпила залпом и зарыдала в голос. Я больше не могла слышать свой счастливый смех из динамиков и захлопнула ноутбук.

Я вскочила с дивана, понеслась в коридор, схватила пакет, валяющийся у двери, и вытряхнула из него пачку сигарет. По всей квартире я искала зажигалку. Я забыла купить ее. Я забыла! Я забыла, что когда решила бросить курить, два месяца назад, выкинула все зажигалки из дома. У родителей стояла электрическая плита, поэтому спичек не водилось.

Я рычала сквозь зубы от негодования. Мне нужна была эта сигарета сейчас! Мне никогда в жизни не нужна была сигарета так, как нужна была сейчас!

Я сползла по стене на пол, запрокинув голову. Я всхлипывала и в перерывах между всхлипами, завывала протяжно. Я изо всех сил била ладонями по паркету. В конце концов, я свернулась калачиком. На полу. В коридоре.

Я понимала, что уже пьяна, понимала, что ради сигареты я не пойду в магазин в такое время и в таком виде за зажигалкой. Я даже начала понимать, что курить мне не хочется. Мне хотелось укол. Укол анестезии, который заморозит мысли и сделает меня абсолютно бесчувственной ко всему происходящему. Мне хотелось вернуться в прошлое на год назад, когда мой брак только начал рушиться. Я бы обязательно что-нибудь придумала, я бы все спасла...

– Нет, – я вдруг приподнялась и замотала головой, как будто со мной кто-то разговаривал, а я была не согласна. Я улыбнулась той страшной улыбкой, которая присуща в фильмах обезумевшим героям, когда они находятся на пике своего сумасшествия и отчаяния, – Я бы

стерла его из памяти. Как будто мы никогда не встречались. Как будто я никогда его не знала. Я бы стерла его... Почему никто до сих пор не предоставляет услуг по чистке воспоминаний...

Я согнула колени, обняла их руками и начала покачиваться вперед-назад.

– Почему... почему... почему...

Я уперлась лбом в колени и закрыла глаза. Я была пьяна. Голова кружилась. Я пыталась дышать ровно и глубоко. Это действовало. Я успокаивалась. В голове вертелась какая-то мелодия. Я засыпала. «Ты будешь счастлива однажды, я буду рядом, я весь твой...»

Я проснулась посреди ночи на полу в коридоре. Без лишних вопросов к самой себе я поднялась и дошла до дивана. На душе было мерзко. Очень остро чувствовалось одиночество. Я открыла ноутбук, включила музыку, задала еле слышную громкость и легла. Я смотрела в потолок, голова болела. Бархатный голос начал кутать в тепло, успокаивая, гладить по волосам... В обнимку с ним я и уснула.

Будильник заорал в восемь утра. Голова раскалывалась. Пришлось выпить обезболивающее. Я собиралась, стараясь не думать, куда и зачем иду.

Подошла к ЗАГСу... Дима уже ждал меня.

Букет цветов. Розы. Красные. Как я любила.

– Для чего это?

– Мне просто захотелось.

Он закурил. Молча протянул сигарету мне.

– Я бросила.

Пожал плечами. Потушил сигарету.

– Ладно. Тогда пошли.

Мы вышли из здания. Оба подавленные. Дима закурил. Молча протянул сигарету мне.

– Сказала же, что не курю, – голос у меня дрожал. Чуть-чуть, еще совсем чуть-чуть, и я могла расплакаться. Но я себя останавливала. Не сейчас, не при нем. Мой почти уже бывший муж не должен был видеть, как я плачу.

Дима во все глаза смотрел на меня и, казалось, что ему было непонятно и больно.

– Тебе совсем плевать на то, что происходит, да? Я смотрю, тебя все устраивает, и ты не переживаешь! Я один, как идиот, психую, что-то думаю, правильно ли все это или нет...

– А нечего думать теперь. Думать раньше надо было.

– Надо было! – Дима энергично кивнул и с еще большим любопытством посмотрел на меня. Он ждал, что я что-нибудь еще скажу. Я молчала. Дима не выдержал и взорвался, – Да чего я от тебя до сих пор жду?! Все давно уже и так понятно!

Он распался и начинал размахивать руками.

– Ну, если всем все понятно, я могу идти? – я смотрела вниз, и в моем вопросе не было ни издевки, ни вызова, я говорила спокойным ровным голосом.

Дима явно собирался продолжать свой монолог, но когда я перебила его, он остановился в полной растерянности.

– Мне действительно очень надоело ругаться и выяснять что-то. Больше выяснять нечего. Прощай, и спасибо тебе за пять лет, – я все слова проговорила быстро, без запинок и пауз. Мельком взглянула на мужа. Приподнялась на цыпочках и поцеловала его в щеку, – А, хотя, мы ведь еще увидимся.

– Не увидимся, – Дима говорил холодно и зло.

– Нам надо через месяц прийти за свидетельством о...

– По-отдельности пойдем.

– Ну, значит, не увидимся, – я пожала плечами, – Пока.

Дима молчал. Закурил еще одну. Я снова пожала плечами, медленно развернулась и пошла в свою сторону. Я еле шла, очень-очень медленно. Нарочно. Ждала, когда муж... пока что еще муж... окликнет меня, подбежит, скажет что-нибудь. Просто скажет что-нибудь на прощанье. Чтобы была какая-то завершенность всей этой ситуации. Мы ведь больше никогда не увидимся. Никогда. Должна ведь быть какая-то договоренность. Неужели так расходятся люди, прожившие вместе несколько лет. Неужели так? Просто расходятся и идут разными дорогами?

Я остановилась, обернулась. Дима курил и смотрел куда-то, не в мою сторону.

– Да какая, к черту, законченность? – пробормотала я себе под нос, – На развод подали, какая еще нужна точка?

Я зашагала к метро быстро, почти побежала. Не оборачиваясь. У метро я выбросила цветы в урну и достала из сумки пачку сигарет. Огляделась в поисках человека, у которого можно было бы стрельнуть зажигалку. Не увидела. Передумала. Достала плеер. Бархатный голос. Жаль, что я закинула всего пару песен, надо было исправить. Это успокаивало лучше сигарет.

Я выкинула пачку.

«Начинаю новую жизнь», – подумала я и сделала музыку громче.

В этот день я не плакала. И не пыталась.

Утром следующего дня я проснулась, как ни в чем не бывало. Настроение было на удивление замечательное. Впереди выходной, на который у меня не заготовлено никаких планов. Я решила порадовать себя ничегонеделаньем. Сходила в магазин, купила много вредной еды и весь день смотрела фильмы. Ты знаешь, разные, и романтические тоже. Но вот что удивительно, мне не было больно видеть счастливые парочки. С того дня я пребывала в каком-то чудесном эмоциональном ступоре. И он рассеялся в день, когда я получила свидетельство о расторжении брака. На смену эмоциональной пустоте пришло предчувствие надвигающегося счастья. Получив эту серую бумажку, я перестала быть похожа на себя. Вика, я постоянно улыбалась! И это не было неврастением. Я была свободна и счастлива. Я стала понимать тех людей, которые на всю катушку отмечают развод. Раньше я думала, что они сумасшедшие. Но я закатаила такую вечеринку, что сама от себя не ожидала. И дело вовсе не в том, что, якобы, я избавилась от человека, который меня тяготил, а в том, что я освободилась от старой себя, которая меня тяготила. Бывает, что отношения разрушаются. И может быть, никто не виноват. И ни один не хочет портить жизнь другому. Но точек соприкосновения больше нет, и вы становитесь врагами друг другу. Просто потому что путаетесь в себе, кидаетесь в панику, разводите истерику. Пытаетесь удержаться за то, что уже развалилось. Не получается. И ты начинаешь злиться на другого, обвиняя его во всем. Еще хуже, если ты начинаешь злиться на себя, виня во всем себя и загоняя в угол, занимаясь самоистязанием. Просто бывает, что люди расходятся. И из этой ситуации нужно суметь выйти достойно, сохраняя взаимное уважение. И когда ты понимаешь, что обретаешь свободу от моральной зависимости... Да, наши отношения закончились на этапе любовной зависимости. Любовь уже прошла. Осталась зависимость. И вот, когда ты обретаешь свободу не от человека, а сама себя отпускаешь и разрешаешь себе жить, не оглядываясь на рамки, в которые ты попыталась себя втиснуть, которые ты сама создала... Вот тогда и приходит счастье. Счастье – это, когда ты в гармонии с собой. В наших с Димой отношениях я потеряла себя. Я потеряла покой. А взаимоотношения, в которых была допущена такая ошибка, по умолчанию обречены. И когда я позволила себе найти и почувствовать себя снова, тогда я обрела гармонию.

Весь этот путь к нахождению потерянной себя я прошла с музыкой «WHY». Я ставила список песен на минимальной громкости на ночь, чтобы не чувствовать себя одиноко. Мне казалось, что вокалист сидит со мной в комнате на моей кровати, убеждает меня в том, что

жизнь только началась, и много прекрасного ждет меня впереди. Его бархатный голос укутывал меня, и тепло разливалось по всему телу. Он поддержал мое окончательное решение бросить курить. Не смейся, я серьезно! Плеер я стала использовать по тем же самым случаям, что до этого сигарету. Музыка намного лучше никотина помогала мне расслабиться, не нервничать, сосредоточиться, думать, спать, просыпаться. Я попала в другую зависимость, но более приятную и менее вредную. Но зависимость. Я перерыла весь интернет в поисках информации о вокалисте. Первый раз взглянув на его фото, я подумала, что, благо, влюбиться мне не грозит, так как он совершенно не в моем вкусе. «Финны своеобразные», – решила я тогда.

Но ты не представляешь, что было дальше. Я постоянно слушала только эту музыку. Прямо до слез. Потому что я понимала, что каждый раз, когда играет последняя песня с последнего альбома в моем плеере, для меня это звучит как прощание. Я начинала впадать в тоску. И все остальные песни переключала и снова ставила «WHY» с начала. И так по кругу. Я не могла сосредоточиться без этой музыки, я не могла без нее уснуть. Я работала под этот голос, я засыпала и просыпалась под него, ела, дышала, веселилась и плакала. Это стало необходимостью, потребностью, я пересмотрела сотни интервью, клипов и еще всяких роликов с вокалистом. И после первого же десятка просмотров я больше не думала, что он не в моем вкусе. Я поняла, что он бессовестно харизматичный и милый, добрый, вежливый и с чувством юмора, очень простой и земной. Меня немного стало беспокоить то, что мне всюду начало мерещиться его лицо, его зеленые глаза и длинные кудрявые черные волосы. Я надеялась, что это просто запоздало меня накрыл переходный возраст, и через пару месяцев все пройдет.

Совсем обеспокоилась я, когда утром проснулась с блаженной улыбкой от только что увиденного сна. Мне приснилось... Мне приснилось, что я в Хельсинки. Я никогда раньше не была в Хельсинки, но во сне я точно знала, что это тот самый город. Я чувствовала растерянность. Я стояла неподалеку от аэропорта. Я курила. Что странно, потому что наяву я бросила, и готова была поклясться, что меня не тянет. Видимо, мое подсознание считало по-другому. Я докуривала сигарету, глядя в сторону от аэропорта, прощаясь с городом. Я потушила сигарету, выкинула ее в урну, у которой стояла, и резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, сделала пару широких шагов вперед, глядя себе под ноги. Я почувствовала, что врезалась в кого-то. И первое что я увидела, так как глядела на землю, был телефон, упавший экраном вниз. У меня по телу пробежала дрожь, я начала прикидывать, сколько придется отдать человеку за ремонт, и насколько многоэтажным матом меня сейчас покроют. Я помнила, что нахожусь за границей и пустилась в искренние английские извинения, стыдливо и медленно поднимая глаза. И я увидела его. Передо мной стоял Илмари Саволайнен. Он смотрел на меня в упор. Он был серьезен. А его глаза... Его зеленые глаза заставили меня почувствовать треск электричества вокруг. Заставили меня замолчать и начать растворяться в них, тонуть и захлебываться. Телефон на асфальте подал признаки жизни. В виде громкого нервного треньканья. Илмари наступил на телефон и приблизился ко мне вплотную. Я не могла отвести взгляд. Мое оцепенение прошло, когда он бархатным голосом сказал...

– Я люблю тебя?.. – прошептала Вика, зажмутив глаза, и, видимо, представив себе необычайно романтическую картину.

Марина расхохоталась.

– Нет. Он спросил: «Would you like to drink a cup of coffee with me?»

– И все что ли? – Вика открыла глаза и перешла на менее романтический тон.

– И все.

– А что было дальше?

– А дальше я проснулась.

– С улыбкой на лице?

– С улыбкой на лице.

– Оттого, что тебя во сне пригласили на кофе?

– Оттого, что меня во сне пригласили на кофе.

– Не очень интересный сон. Я думала, вы с ним во сне поженились. Ну, или хотя бы поцеловались. У тебя слабая фантазия, – Вика скрестила руки на груди в знак того, что она не согласна с подобной концовкой.

– Мне и этого было достаточно, чтобы проснуться с улыбкой на лице, а потом впасть в панику от того, что мне начало казаться, будто я помешалась и окончательно свихнулась.

– Ну, хорошо, допустим. И что дальше было? В реальности, а не во сне, я имею в виду, – Вика положила руки на стол и выпрямилась, показывая всем своим видом, что жаждет слушать продолжение истории.

Марина улыбнулась.

– Дальше я просто жила. Просто жила самой обычной жизнью, которую только можно вообразить. Работала продавцом-консультантом в шмоточном магазине. Ты знаешь, специальность, которую я получила в университете, никогда меня не привлекала. Бухгалтерия – это уж слишком скучно. Даже для такого спокойного и усидчивого человека как я. Не знаю, как ты это выносишь.

– Знаешь, в реальной работе все намного интереснее, чем теория, которой нас пичкали в универе.

– Ну, может быть... Я так и не попробовала себя в бухгалтерии. Видимо, я училась только для галочки и для наличия корочки. Я еще на втором курсе поняла, что это не мое. Но тогда для меня главным было не то, какое образование я получу, а семья... Тогда я была сосредоточена на том, чтобы строить семью. Я вообще считала, что после окончания учебы смогу бросить все свои параллельные подработки. Ведь Дима заканчивал ВУЗ в один год со мной. И у нас был план, что он начнет зарабатывать большие деньги, а я забеременею и стану домохозяйкой. Он об этом мечтал. Но не вышло... Ни больших денег не вышло, ни беременности, ни рождения ребенка, ни семьи у нас двоих не вышло...

– Зато сейчас, как я понимаю, ты домохозяйка, и большие деньги в твоей семье водятся, – подмигнула Вика.

Марина ничего не ответила, только рассмеялась, потом продолжила.

– В общем, я еще и записалась на фитнес. Решила заняться хоть каким-то самосовершенствованием и развитием. Хотя бы физическим. По выходным, после посещения зала, я пересматривала интервью Илмари Саволайнена. Так я и подтянула английский, кстати. Все незнакомые слова я смотрела в словаре, потому что я дословно хотела знать, что говорит этот мужчина. Мне кажется, я пересмотрела все ролики на английском, что только есть в Интернете, и не по одному разу. Его финский акцент потихоньку сводил меня с ума. Этот звук «rrrr»... Как он его произносит...

Я очень ждала «WHY» в Россию. Не дождалась. Они ездили с гастрольями практически по всему миру. Европа, Южная Америка, Северная Америка, даже Китай и Япония... По моему, они собирались посетить все страны планеты, кроме нашей, не такой уж далекой от их родины, России. И ближайшим местом, где можно было сходить на концерт, оказалась Финляндия. Я долго не раздумывала и купила билет сразу, как только начались продажи. У меня было два месяца, чтобы сделать загранпаспорт и визу. Я уложились в сроки. Купила билеты на чудный финский поезд, забронировала отель и поменялась сменами на работе. Все было готово. Оставалось просто ждать. Я ехала одна, так как никто из знакомых не разделил моих пристрастий.

В ночь перед днем отъезда я практически не спала. Я чувствовала себя очень глупо из-за того, что так волновалась. Но ничего не могла с собой поделать. Я сложила вещи и отправилась на вокзал. Была зима, шел мокрый снег, порывистый ветер швырял его в лицо, погода была ужасной. Зато в поезде было тепло и комфортно. Всю дорогу я слушала музыку в плеере и смотрела в окно. Пейзаж быстро проносился мимо меня, российские леса сменились фин-

скими, а я и не заметила. Я глядела куда-то сквозь все. Всякие мысли лезли в голову. И ощущалось очень сильное предчувствие надвигавшихся перемен.

Не поверишь, со мной произошла одна странная вещь. Я вдруг почувствовала острую необходимость взять листок бумаги и ручку. В моей сумке все было. И хотя музыка играла громко, мне казалось, что я не слышу ничего, кроме своих собственных мыслей. Такое у меня было только однажды, когда я грохнулась в обморок в душном метро. Я помню это странное ощущение. Музыка в наушниках орет, но ты ее не слышишь и только с удивлением, как в замедленной съемке, замечаешь, что тебя подхватывают со всех сторон.

Я истерично записывала в блокнот строчку за строчкой. Я не осознавала, что делаю, пока не закончила. Я как будто наблюдала за собой со стороны. Поэтому не могу сказать, длился ли этот мой приступ пять минут или пятьдесят пять.

Поставив точку в конце, я пришла в себя и взглянула на соседа. Это был парень, по виду мой ровесник. Он бессовестно тарасился в мои записи. Я захлопнула блокнот и убрала его в сумку. Сделала музыку еще громче и продолжила смотреть в окно. У меня на душе стало так спокойно, будто я только что выговорилась кому-то хорошо знакомому. Вот только я ни слова не помнила из того, что записала.

Финляндия встретила меня слепящим солнцем. В Хельсинки мне не составило проблем найти отель, потому что я заранее подготовилась и распечатала себе подробный маршрут. Была еще только первая половина дня, до концерта оставалось много времени. Я решила пройтись до клуба, где должно было проходить выступление, чтобы точно не заблудиться, когда подойдет время. Я бронировала отель в пяти минутах ходьбы от этого места. Найти клуб не составило труда. Обычное коричневое здание из кирпича с неприметной черно-белой вывеской. Я была полностью подготовлена. Оставалось время пообедать и пройтись по городу. Я перекусила в достаточно милом небольшом ресторанчике в центре и отправилась гулять. Мне очень нравилось спокойствие города. Темп жизни казался очень размеренным. Люди друг к другу были очень доброжелательны. Везде: в магазинах, в кафе, на улице, в транспорте. Зима была как будто мягче и добрее. Вся эта атмосфера наполняла меня ощущением гармонии.

Рано начало темнеть, солнце село и больше не грело, поэтому я вернулась в отель. Несколько десятков минут я пролежала на кровати с плеером, постоянно глядя на часы и не понимая, почему же время не может идти быстрее. Наконец, мне пора было собираться. Я сходила в душ, оделась и меньше чем за час довела свой макияж до идеала. Я смотрела в зеркало несколько минут. На мне было все новое. Джинсы, топ. Все черное и в блесках. Мой гардероб и так наполовину состоит из вещей черного или серого цвета, но перед концертом я ходила по магазинам специально в поисках чего-то особенного, чего-то подходящего на сто процентов, я готовилась к мероприятию очень серьезно. Я была хорошо накрашена: ровные угольно-черные стрелки, длинные пушистые ресницы, яркая красная помада. Я смотрела на себя, и мне так хотелось плакать... Просто невыносимо... Я не чувствовала радости, я чувствовала только бесконечную тоску. Я села на кровать. Я говорила сама с собой. Я спрашивала себя, в чем смысл моей жизни, и какие у меня цели, как я собираюсь жить, чего хочу и ищу. И не могла ответить. Я подошла к окну, на улице было темно и пусто. Полная белая луна висела в небе, и я решила, что это она влияет на мое настроение. Я очередной раз взглянула на часы и решила все же поторопиться.

Я стояла на танцполе, зажата со всех сторон, и не понимала, стою ли я сама или толпа держит меня в воздухе. Ноги мне оттоптали в самом начале, честно говоря, еще в очереди на вход. И я боялась увидеть, во что превратились мои новые дорожные замшевые сапоги. Мне было тесно, неудобно и некомфортно. Я злилась, и еле подавляла в себе желание стукнуть девушку, стоявшую впереди меня и постоянно вертевшую своей головой с прической в виде полуметрового начеса. Я сделала очередной глубокий вдох и... И так и замерла. Заиграла музыка. Галдеж в зале стих. Наверное... По крайней мере музыка его точно перекрыла...

Один за другим на сцену вышли барабанщик, гитарист, басист и клавишник. Они заняли свои места. Теперь зал неистово визжал и свистел, но когда вышел Илмари Саволайнен... Ты думаешь, наверное, что я скажу сейчас, что зал просто взорвался и закатился в истерику. Наверное, так и было. Но я не помню. Я в тот момент, кажется, потеряла способность слышать и чувствовать. Меня не волновало больше, что мне неудобно стоять, что девушка впереди скачет, как сумасшедшая, по моим ногам. Я не слышала криков толпы. Я просто смотрела на сцену и видела его. И не верила, что он, такой же, каким я видела его пару дней назад в каком-то интервью в Интернете, теперь стоит от меня не больше, чем в пяти метрах. Да, в пяти метрах. Я прорвалась в первые ряды. Хотя знакомые предупреждали меня, что у сцены на концертах обычно творится невесть что, можно получить травму или потерять сознание, мне было все равно... Ведь ОН пел...

Он пел. А я слышала этот прекрасный бархатный голос, с которым столько месяцев не расставалась, который спасал меня все это время, теперь вживую, и плакала. Я повторяла слова всех песен, строчку за строчкой наизусть, и улыбалась. Вот так, с улыбкой и в слезах, я чувствовала, что со мной происходят странные вещи, что мои эмоции зашкаливают. Но я не могла вместе со всеми прыгать и кричать, я могла только не шевелиться и не отрываться от Илмари Саволайнена взгляд. Я испытывала чувство благодарности. Эта музыка и его голос проникали сквозь кожу в мою кровь и растекались дурманящим теплом по всему телу. Я ощущала, что все внутри меня меняется. Мой разум рисовал мне цели и пути достижения. Я чувствовала силы и стремление изменить свой мир. И мир вокруг меня, желательно, тоже.

Последняя песня вызвало во мне ужасное чувство опустошенности. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. Я готова была стоять так вечно. Слезы закапали сильнее. И чувство растерянности полностью охватило меня, когда Илмари попрощался, и группа ушла со сцены. Я стояла на месте. Люди выходили из зала. Я явно мешалась им на пути. Меня толкали, а я только лишь продолжала смотреть на опустевшую сцену.

– Девушка, ну, может быть, вы развернетесь? – услышала я мужской голос и не сразу поняла, что парень стоит прямо около меня. Он взял меня под руку и потащил к выходу.

– Тебя же здесь затопчут, – он перешел на «ты» и не желал униматься.

А я не желала смириться с тем, что концерт окончен. С тем, что этим потрясающим чувством, переполнявшим меня, суждено было жить только полтора часа. Сколько, интересно, будет длиться тоска от того, что все закончилось?

Я в полном безразличии отстояла огромную очередь в гардероб, не отвечая ни на одну из реплик парня. Все это время он находился рядом. Любезно помог мне надеть и даже застегнуть пальто и двинулся со мной на улицу. Было прохладно.

– Тебя проводить? Ты где остановилась? – спрашивал он. И я, наконец, подняла глаза. Решила узнать, как выглядит человек, который так навязчиво пытается докучать мне своей болтовней. И с удивлением отметила, что это был мой сосед из поезда.

– Это ты?

Мальчик явно засмутился, но он понял, о чем я. Он узнал меня. Оказалось, он тоже приехал на концерт из Питера, тоже один, без знакомых и друзей. Остановился в соседнем от меня отеле. Он не мог справиться с эмоциями и, размахивая руками, почти кричал на всю улицу, полную разбредавших в разные стороны фанатов:

– Ты слышала? Ты это слышала? Ты почувствовала? Ты почувствовала эту бешеную энергетику? Илмари Саволайнен безумно талантлив и харизматичен! Да ты любую песню возьми. Он сам все тексты написал, и всю музыку тоже. Посмотри, сколько смысла в себе несет его творчество! Я именно благодаря ему взял в руки гитару, и не представляю жизни без нее теперь! Я хочу стать таким же великим как он! Кстати, ты не хочешь зайти ко мне? Я мог бы тебе сыграть.

– Ты что, с собой гитару привез?

– Я же только что сказал, что не представляю жизни без нее. Ты меня слушала?

Мы подошли к его отелю, мой был в следующем здании. Я не хотела оставаться одна и согласилась. Мальчика звали Паша. У него было немного коньяка из финского алкомаркета и банка колы из мини-бара, мы выпили за знакомство и за то, чтобы снова оказаться на концерте группы. Паша наигрывал на гитаре мелодии «WHY», но отказывался петь. И петь пришлось мне. И, странно, но у меня хорошо получалось. Потом он начал играть совершенно не знакомую мне мелодию, и я развела руками.

– Что это за песня?

– Ты ее не знаешь.

Он начал петь тихонько, стесняясь. Это была одна из песен, которые он сочинил сам. Я сидела молча, пока он пел. Потом встала и достала блокнот из сумки. Я пробежалась глазами по тексту, который набросала в поезде.

– Как ты думаешь, можно для этого что-то придумать?

Паша дважды внимательно перечитал стихи. Он начал подбирать мелодию. Он играл одну из своих собственных. Я запела. И это было настолько великолепно! У меня внутри все переворачивалось от потрясающего чувства, что мы создаем что-то новое. И это новое несет в себе смысл. Несет в себе чувства. Мы оба вкладываем частичку себя, и вот уже есть песня!

Паша не отпускал меня. Мы столько говорили и никак не могли замолчать. Мы говорили, он играл, мы пели, мы пили... И я уснула на его кровати. С ним рядом.

Утром мы обсудили обратную дорогу. Оказалось, что мы снова едем в одном поезде. Правда, в разных вагонах. Я выписалась из своего отеля, забрала вещи, мы пообедали в кафе и отправились на вокзал.

Я ехала в поезде, снова у окна, снова с плеером в ушах. И с улыбкой на лице, которую, как бы я ни старалась, никак не получалось скрыть.

В Петербурге на вокзале мы разошлись. Но ненадолго. Уже через неделю я переехала к Паше. Он жил один в своей квартире, подаренной родителями на восемнадцатилетие.

Нас тянуло друг к другу. Нас тянуло с непреодолимой силой. Мы занимались любовью днями напролет и придумывали тексты прямо в постели. Он голый бросался к гитаре и начинал подбирать мелодию. Обоих уволили с работы за прогулы, но это нас мало волновало.

Это были сумасшедшие пару месяцев. Если бы мы пригласили кого-то в гости, этот кто-то ужаснулся бы, увидев незаправленную кровать с рваной грязной простыней и разбросанными по полу подушками, пепел от сигарет везде, где только можно, пыль во всех углах, горы коробок из-под пиццы и прочей ерунды на кухонном столе...

В общем, месяца через два мы, наконец-то, пришли в себя. Я потихоньку приводила дом в порядок, разгребала завалы мусора, штопала постельное белье, стирала, подметала, намывала... Позже устроилась на работу. В другой магазин. Недалеко от своего нового дома. Паша с этим делом не торопился. Сказал, что в курьерскую компанию он точно больше ни ногой, потому что осознал, что его предназначение в чем-то более духовном и высоком. Он сидел дома целыми днями и доводил до ума весь материал, который мы создали. У нас было девять черновых песен. По вечерам, точнее по ночам, я работала над текстами, постоянно вычеркивая строчку за строчкой и вырисовывая что-то иное. Паша шлифовал музыку. Она должна была быть идеальной. Но каждый раз, когда мы репетировали, и я пела, было очевидно несовпадение музыки и текста. Что-то шло неверно, и Паша потихоньку впадал в депрессию. Я пыталась успокоить его, поддержать, как могла. Он научил меня основам игры на гитаре. И я, пользуясь своими новыми знаниями и интуицией, старалась подсказать ему, что же именно не так. Я полагалась на свои ощущения, а он орал на меня, что я не профессионал, и нечего мне лезть. Ничего не помогало.

Однажды вечером я высказала новое предположение.

– Паша, а ты не думаешь, что песни звучат так из-за того, что у нас отсутствуют другие инструменты? Кроме гитары?

В ответ я встретила удрученный взгляд.

– Ты слышала акустические версии песен «WHY»?

– Конечно, да...

– По-твоему, они неполноценны?

– Конечно, нет...

– А наша музыка неполноценна. Она должна быть идеальной, даже если основана на одной лишь гитаре. Гитаре и голосе. И больше ничего не нужно. Если музыка неполноценна так, то она не будет лучше, если добавить барабан.

– Но ведь, в любом случае, когда мы дойдем до записи, это будет совсем другое дело. Нам нужно будет что-то, кроме...

– Мы не дойдем ни до какой записи, пока у нас не будет готовых песен. Готовых. Полностью. Неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю.

Я считала, что править тексты больше не было никакого смысла. Эту работу по совершенствованию можно проводить бесконечно. Но никто никогда не ответит на вопрос, как должно быть правильно. Петь... Паша научил меня нотам, а слух и голос, как неожиданно выяснилось, у меня от природы были. Наверное, в детстве мне стоило посещать музыкальную школу. Музыка... Паша играл днями и ночами напролет. Несколько раз соседи вызывали полицию, и нам доставалось за нарушение общественного порядка. Но это дела не меняло. И ничему нас не учило. В конце концов, соседи смирились. Или съехали. Я точно не уверена, как было на самом деле.

Мой парень впадал все в более глубокую депрессию. Ему становилось все хуже и хуже с каждым днем. Я старалась, как могла, ободрить его и поддержать. А когда поняла, что только лишь утешающими словами делу не помочь, начала настаивать на том, чтобы решать конкретные задачи. Но он отказывался приводить людей в группу, пока песни не будут готовы полностью. По той же самой причине он отказывался искать студию звукозаписи, которая взялась бы за нас, хотя у него были какие-то знакомства в этой сфере.

Мы начали периодически ругаться.

– Ты понимаешь, что группа, это единый организм? Ты понимаешь, что нельзя просто вручить горстке людей, которые не знают друг друга, свой материал и приказать: «Играйте!», ты понимаешь, что так нельзя? Наша будущая группа – это наши творческие партнеры. Мы должны советоваться с ними, мы должны считаться с ними, мы должны учитывать их мнение!

– С каких это пор ты стала специалистом в музыке?! Не смей меня учить, что и как делать! Тем более, в моем собственном доме!

Один раз я вернулась с работы пораньше. Голова сильно разболелась, обезболивающее из рабочей аптечки не помогло, и меня отпустили домой. И... В тот день я застала Пашу в нашей постели с какой-то крашеной дрянью. Она запачкала своей кислотно-розовой помадой всю мою наволочку. Уж не знаю, душил он ее подушкой или она, изголодавшись, ее облизывала, или еще что... Крашенная дрянь быстренько оделась и ушла, пока я сидела на кухне в состоянии шока. Я не кричала, не ругалась, я сидела молча и ждала. Наверное, я ждала объяснений. Дверь за девушкой закрылась, и Паша пришел ко мне на кухню. Как ни в чем не бывало, он закурил и поинтересовался, как прошел мой день и почему я так рано вернулась. Я подняла на него глаза, полные слез.

– Ты издеваешься? Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Что говорить? Ты сама все видела. Или мне выдумать какую-нибудь неправдоподобную историю, и ты сделаешь вид, что веришь в нее?

Такого ответа я не ожидала, и, честно, не знала, как реагировать. Паша, сильно затянувшись, нагнулся и выпустил дым мне в лицо.

Я закашлялась. Наверное, больше от изумления, чем от дыма.

– Мне не хватает вдохновения, понятно тебе?

– Вдохновения?! Вдохновения тебе не хватает?! – меня очень разозлили его слова, – Может, на работу устроишься и оттуда почерпнешь вдохновение? Или ты думаешь, что я возле тебя вечность сидеть буду и не денусь никуда?! «Принеси-подай-унеси-помой-дай денег»?!

Я вскочила со стула, но Паша схватил меня за руку и усадил обратно резким грубым движением. Я открыла рот и тут же получила пощечину.

– Ты будешь со мной столько, сколько нужно. Ты будешь делать то, что я скажу. И ты никуда не денешься, – он процедил это сквозь зубы, затушил сигарету о пепельницу, а окуроч бросил на пол.

– Приберись здесь, – сказал он мне, уходя в комнату, – И посуду вымой, мы с Анжелой обедали.

«Ха!» – подумала я, – «С чего бы это вдруг я должна?..» И буквально через несколько секунд я поняла, что Паша прав. Как бы больно и обидно мне не было, я не готова была оставить это все. Наши песни, нашу музыку, наше общее творчество. Да и кого я пыталась обмануть, у меня прошли чувства к этому мужчине так же быстро, как и вспыхнули. Это были не отношения. Это называлось партнерством. Он хорошо играл. Я хорошо сочиняла. И пыталась хорошо петь. И я видела, что у всего этого пока что сырого проекта есть будущее. Вот-вот оно настанет. Будет и слава, и самореализация, все будет. Просто надо было немного потерпеть. Я не готова была возвращаться к серой жизни без надежды на что-то завораживающе интересное. И я осталась.

Не знаю, что именно привело Пашу в норму, женщины или алкоголь, или что-то еще. Через некоторое время он, наконец, выбрался из своего убитого состояния и нашел троих ребят в группу, как я и советовала. Конечно, он не признал, что это была моя идея. Ребята начали постоянные репетиции у одного из них на даче. А я каждый вечер приезжала к ним за город на последней электричке, готовила поесть, стирала их одежду вручную в холодной воде и немного пела. У одного из парней был друг, владеющий небольшой звукозаписывающей студией. Он готов был начать с нами работать через пару месяцев. И мне снова пришлось потерять работу в магазине. Мы репетировали, отрываясь лишь на сон. Мне казалось, что получается отлично. Все находились в предвкушении успеха.

Настал день, когда мы должны были ехать на запись в первый раз. Ребята ужасно нервничали и не спали всю ночь до этого. Когда я проснулась в своей кровати в спальне второго этажа коттеджа, майское солнышко всю светило мне в окно, не прикрытое занавесками. Я прыгала на кровати как маленькая, чувствуя, что наш успех совсем не за горами. Я уже представляла, что купаюсь не в лучах весеннего солнца, а в лучах нашей славы.

Я спустилась вниз, и мне пришлось изменить свое мнение. Видимо, всю ночь ребята пытались успокоить нервы. Не только алкоголем, но и травкой. Некоторым, перебравшим и того, и другого, было очень плохо. Я прошла вдоль распластавшихся на полу практически бездыханных тел. Некоторые подавали признаки жизни, скорчившись в рвотных судорогах. Как же я разозлилась! Я кричала так, что сама себя испугалась.

– Вы что?! С ума все посходили?! У вас совесть есть? Вы забыли, какой день сегодня? Вы что здесь устроили? Как вы собираетесь играть?

Паша, сидевший на полу в углу, вяло щелкнул пальцами.

– Малышка, не злись... Все в норме...

– В норме? В норме?! Ты это называешь нормой?

– Сейчас Костя наберет своего знакомого, и мы все перенесем. Да? Костян?..

Костян спал лицом в пол. Адреналин придал мне сил, и я была в состоянии поднять за шкуру здорового мужика. Костя глянул на меня мутным взглядом.

– Звони! – рявкнула я.

Парень захлопал глазами и потянулся в карман за мобильным. Костя был не в состоянии даже снять блокировку с экрана своими скрюченными ледяными пальцами. Я выхватила телефон.

– Пароль от экрана?!

– Ммм... ммм...

– Ты издеваешься?!

Паша подал голос:

– Оставь его.

– Оставить его?!

– Ты же видишь, он не это самое...

Я обвела взглядом безобразие, которое меня окружало, и поняла, что все только в моих руках. Я знала адрес студии. А еще я знала, что владелец студии не такой уж и хороший знакомый, и шанс, который он нам дал, был только один. Я обязана была спасти ситуацию. Я поехала.

Робко постучавшись, я вошла. В черном кожаном кресле сидел мужчина. Лет сорока, лысый, в черном костюме с зеленым галстуком, невысокий, плотный, не страшный, но что-то в нем создавало для меня неприятное ощущение и отталкивало. Его надменный взгляд говорил о том, что он считает себя царем и богом в одном лице.

– Госпожа Марина Витальевна, я полагаю?

– Да, здравствуйте.

Он даже не встал. Мне пришлось подойти ближе самой.

– Где же остальные участники проекта?

– Понимаете... ребята... отравились... Все... Я сделала им салат... С просроченной сметаной... Не доглядела...

– Понимаю.

– Можно нам...

– Нельзя.

– Я хотела сказать...

– Я знаю все, что ты хотела мне сказать. Я сам скажу. Твои дружки напились и закосили запись. Вы не единственные, не первые, и, к моему великому сожалению, не последние, кто так делает.

Мужчина улыбнулся, и у меня промелькнула надежда.

– Значит...

– Нет, не значит. С такими, если выражаться без мата, разгильдяями, я не работаю. Вы еще не на том уровне, чтоб устраивать рокерские вечеринки и срывать важные мероприятия. Вторых шансов я не даю. У меня не какая-то там крохотная подпольная студенка. Я серьезный человек. И работаю только с серьезными людьми. Я задолжал друзьям Константина услугу. Поэтому согласился вас записывать. Не могу сказать, что материал, который Павел мне предоставил, впечатлил меня. Но времени вас прослушивать не было, а долги отдавать надо. Я согласился при одном условии. Что все будет четко. Но раз вы сами все испортили... Я услугу оказал. Я шанс дал. Теперь... До свиданья. Закрой дверь с той стороны, малышка.

Он произнес все это монотонно, практически на одном дыхании и без эмоций, как будто говорил это каждый день раз по двадцать-тридцать. Малышка? Почему малышка?! Почему все зовут меня малышкой? Почему Паша и этот придурок считают, что ко мне можно так обращаться?

Я стояла как вкопанная и не могла поверить. Неужели это конец? Неужели последние полтора года моей жизни, мое увольнение с двух работ, мои песни, мои старания, сейчас просто-напросто перечеркивает этот лысый толстый мужик? Я заплакала. Я не могла уйти, не добившись того, чего он никому не предоставляет – второго шанса. Я понимала, что если он не даст мне положительный ответ, то я, выйдя на улицу, буду чувствовать себя настолько никчемной... Понимала, что мне некуда будет вернуться. К родителям, которым я врала про то, что живу с парнем, с которым складываются прекрасные отношения? К Паше или на дачу? Зачем мне там быть, если всему конец? Если настал конец линии жизни, на выстраивание которой я потратила полтора года. Если настал конец цели, на которую я потратила полтора года. Я знала, что либо я уйду с положительным ответом, либо я проживаю последний час своей никчемной жизни. Я даже знала, с какого моста пойду прыгать... Мостов в Петербурге много, но я точно знала, какой станет последним для меня...

Я упала на колени. Мне, вообще-то, никогда не было свойственно так унижаться, ты знаешь...

– Умоляю... Пожалуйста... Я готова сделать все, что угодно... Все, что вы скажете... Все, что вы попросите... Пожалуйста... Я очень вас прошу... Я умоляю...

Мужик прищурился. Вздохнул. Закатил глаза.

– Знала бы ты, как меня это утомило... Ладно, уговорила. Ты симпатичная. Я надеюсь, ты в курсе, как решаются дела в нашем бизнесе между женщиной и женщиной?

Слезы мгновенно высохли, а сердце застучало еще быстрее. Я не ожидала такого поворота. Мне хотелось встать, плюнуть ему в рожу, развернуться и уйти. Но я оставалась на месте. Я пыталась понять, стоит ли оно того, и понимала, что не прощу себя, упустив шанс. Все зависело от меня одной. Я искренне ненавидела в тот момент Пашу и остальных ребят. Я должна была спасти нас всех. Я не имела права отказаться.

– Я догадываюсь.

– В конце концов, это ведь ты приготовила салат, из-за которого вся группа слегла, верно? Согласна?

Я кивнула, и тут накатил новый приступ рыданий.

– Если будешь реветь, пойдешь вон, – коротко проинструктировал меня мерзкий мужик. Я успокоилась.

Я неслась по улице. Я так жалела, что было почти лето, и я была одета легко. Мне ужасно хотелось закутаться в какой-нибудь огромный шарф, так чтобы прохожим не видно было моего лица. Или хотя бы натянуть капюшон... По самый подбородок... Меня преследовало ощущение, что все в курсе, что я только что натворила. Все в курсе и, естественно, осуждают меня. Молодой человек окрикнул меня, и я готова была стореть со стыда в ту секунду, что подняла на него взгляд. Он просто спросил, в какую сторону идти к метро, а я уже практически плакала.

Я прибежала в Пашину квартиру и сразу кинулась в ванную. Я встала под теплую струю воды и тут же согнулась пополам от вырвавшихся из меня рыданий. Я яростно терла тело старой грязной мочалкой почти до ссадин. Я пыталась смыть прикосновения мерзких пальцев. Меня посетила мысль сжечь одежду, в которой я ходила в студию, но я удержалась от такого дурацкого поступка.

Мобильник разрывался. Уже, наверное, в миллионный раз звонил Паша. Я не собиралась разговаривать с ним. Я винила его и остальных ребят. Это из-за них мне пришлось пойти на подобные меры. Я пропустила эту мысль через себя и, безумно разозлившись, швырнула аппарат в стену. Задняя крышка отлетела, аккумулятор выпал, и телефон замолчал. Мне плевать было, что, скорее всего, мальчики уже протрезвели и теперь беспокоятся, куда я так надолго подевалась, и что со мной. Хотя, почему они должны беспокоиться? Вероятнее всего, им просто не терпелось узнать, удалось ли мне договориться. Я чувствовала себя использован-

ной. Я пыталась утешить себя тем, что сделала это ради себя же самой, и никто меня не заставлял. Но унять истерику не получалось.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.